

ДМИТРИЙ
СМОЛЯНИНОВ

МОЁ
ОБЕРЕГАЕМОЕ
БОЛЬНОЕ

12+

Дмитрий Смолянинов
Моё оберегаемое больное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44083215

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник самых разных стихотворений. Трогательных, забавных, пугающих, злободневных. Приятного чтения!

1. Не самое лучшее, но самое искреннее.

Я хочу, чтобы меня запомнили просто хорошим.

Не великим, не гениальным, пожалуйста, просто хорошим.

Я даже этого не заслуживаю, быть может.

Но хочу на людей хороших хоть немного похожим быть.

И не больше.

Я хочу, чтобы меня запомнили просто добрым,

А потом, невзначай, совершаю поступок подлый.

Я прошу простить, и, быть может, простить способны.

Я прошу забыть, но что толку, ведь я-то помню.

Вокруг много примеров, и вот – я хочу быть кем-то.

От себя сохранил я лишь детство, да слово-вето.

Сплю и вижу, как спасаю бедное общество, вношу лепту.

Просыпаюсь и ужасаюсь

Дождю летом.

Я хочу, чтобы меня запомнили просто хорошим.

Не великим, не гениальным, пожалуйста, просто хорошим.

Я даже этого не заслуживаю, быть может.

Но хочу на людей хороших хоть немного похожим быть.
И не больше.

II. Извини. Мне стоило промолчать.

Почему...

Почему

Я вижу твои глаза,

Когда закрываю свои?

Почему...

Почему

Не могу видеть твоими глазами,

Когда открываю свои?

Что за бред...

Ненавижу читать о любви

И писать.

О любви.

На ум приходят...

Банальные. Серые. Посредственные. Слова.

А... Как же сокровища? Настоящие искренние слова?

Едва ли.

Передать это сложно настолько,

Насколько сложно вытащить органы из своего нутра,

Разложить на столе хирургическом
Перед кучкой студентов-медиков,
А затем – вернуть все назад
В том же совершенном порядке анатомическом.

Вот какво писать о чувствах своих в стихах.
В своих стихах.

На ум приходят...
Банальные. Серые. Посредственные. Слова.

Но... Как же сокровища? Настоящие искренние слова?

Едва

Ли.

Печальный, но по своему справедливый итог:

Я все так же вижу глаза.

Все так же не могу видеть твоими

Глазами.

III. Праведный гнев абстракциониста.

З-з-завертелось.

З-з-замело.

З-з-закружилось.

Как?! Абстрактное – попало в немилость?!

Гильотину – неоформленным мыслям,

Ненасыщенным посылом и смыслом?!

Боже праведный... В толк не возьму,

Кто затеял сию кутерьму?

Игнорируя древние тексты,

Кто из алчных своих интересов

Вскрыл гробницу в зловещей пустыне?

Миновав лабиринтов пучины,

Обойдя крокодилов нильских,

Злато взяв, заболел РЕАЛИЗМОМ!

И давай – разносить ту чуму

По бескрайнему свету всему!

Параз-з-зит! З-з-заражает, клянусь!

Нет, ну что ты... Я не з-з-завожусь,

Но, признай, что чумной археолог,

Прочитай он в табличке: «Потомок,

Здесь сокрыто великое зло,

Погубило немало оно

И великих, и сильных, и мудрых,

Превращая разумных в безумных!

С карт стирая и страны, и нации,
И великие цивилизации!»,

В миг оставил бы мысли порочные!
И вернулся домой, к своей дочери

И жене. Верь, мой брат – славный Ромул,
Он чужого с тех пор бы не тронул!

Но, увы... Всех нас манит сокровище:

Прямота, ясность, краткость... Чудовище
Выпускают из клетки душной
Ради злата в его кормушке.

Вот – предмет моего возмущения,
Страшный катализатор гниения,
Коль позволишь подобно выразиться.

Как-то так мне всё это

Видится.

IV. Маленькая большая беда.

У меня напасть случилась.

Плачу, злюсь, кричу я "кыш!",

Ведь на гладком чистом лице

Выскочил уродец-прыщ.

Он – один, он мал размером,

Но блестит... Блестит, смущая!

Злит меня не столь – огромность,

Сколько факт существования!

Я отрядом грязных пальцев

В окружение взял врага.

Раздавлю тебя, мерзавца!

Не вернёшься никогда!

Устранил... Собой доволен

Отправляюсь в царство сна.

Утром... Снова прыщ сияет?!

А кругом – его друзья?!

На носу, щеках – десятки!

В этом – суть всех бед нелегких.

Разрешение проблемы

Радикальной дорогой

Не заставит испариться,

Раствориться без остатка

Непосредственно проблему.

У проблем – свои повадки.

Будь уверен, что вернётся,

Приведёт с собой друзей.

Хоть за голову хватайся,

Только вот в беде своей

Сам виновен. Не бывало ль

Вместе с корнем – раз – рванешь!

На эмоциях, бездумно?

Было? Что ж теперь ревешь...

Надо было мазать кремом,

Обработать, подождать...

Прыщ исчез бы сам собою,

Верь. Мне нет резона лгать.

Умываться чаще с мылом,

Осторожно щеки брить.

Делай так с любой проблемой.

Вот рецепт мой:

"Не давить..."

V. Единственное стихотворение о войне.

Закрой глаза.

Представь.

Ты проснулся от выстрелов, криков, грохота,

Разрывающих ночь.

Заставь...

Себя...

Погрузиться в бурю, сотканную из огня, скрежета, топота.

Мир уносится прочь

Привычный...

Он там, где-то в туманной дали

А пред тобой – ад.

Создан не роком,

Не богом,

Не высшим разумом,

А людьми.

Ты думал о том, кто там, по ту сторону баррикад?

Звери, не знают жалости, быть может –

Чёрные вороны?

Люди безрадостны, быть может –

Приказом скованы?

Быть может: и так, и так. Неизменно одно.

Враг.

Да оно и не важно. Ты ведь давно уже знаешь...

Знаешь точно,

Зачем, против кого и с кем ты

Ступаешь по топким болотам, окопам,

Почве,

Щедро удобренной человеческим прахом, пеплом.

Ветром

Гонимые,

Вечно в движении,

На протяжении

Тысячи километров

Смерть

И горе.

А в мыслях – одно лишь:

"Только бы дочка не стала человеческим перегноем.

Только бы с мамочкой... с мамой родной ничего не случилось...

Пожалуйста. Только бы сбылось. Только бы сбылось.

Готов колоть, стрелять, взрывать, куда угодно идти...

Лишь бы успеть... Лишь бы спасти..."

Открой глаза.

Теперь уже ад... далеко.

Любимые рядом.

Ты чувствуешь это?

Легко...

Так легко...

Так легко.

VI. Старость может быть хуже смерти.

Твоё тело – РЕВОЛЮЦИОНЕР.

Ты об этом не знаешь, возможно,
Но

Будь уверен: однажды проснешься

В коммунистическом обществе.

Твоё тело поднимет бунт.

Вновь – апрельские тезисы с виселицы:

"Руки – рукам!

Ноги – ногам!

А власть головы

Головой пусть и ограничится!"

И до самого конца не будешь

Ты

Понимать.

Мозг умчится в Царское, станет давать приказания

Тем немногим, кто согласился жизни ему верить:

"подавить! подавить восстание!"

Безуспешно...

Сгоришь в огне

Революционного кипиша.

Твоё тело – зерно в земле.

Соберут урожай

Могильщики.

VII. Рецензия.

Мудреные и пафосные слоги...

И сколько смысла, сколько многоточий...

Такие символы, что покажи Ван Гогу –

Он в них найдет влиянье «Звездной ночи»

Такие символы, что покажи их Кубрику,

Воскликнет: «Одиссея! Перегрузка!»

Такие символы, что покажи их Берджессу,

Он их напишет на английском русском.

Такие символы... но автор, полагаю,

Значение лишь трети слов здесь знает.

Эпитеты и к месту, и не к месту,

Пустые строки. Слабо, если честно.

Да, выразительно. Но скучно и манерно,

Претенциозно и без огонька.

Я посоветовал бы автору, наверно,

Хорошего и крепкого пинка.

Писать ради писательства? Увольте.

Здесь все наивно, глупо и смешно.

Писал любитель, даже и не спорьте,

Такие вещи вижу я легко.

Давайте добивать, раз пригубили

Бокал с этим разбавленным «оно».

Здесь порошки, химический краситель,

Но нет даже намека на вино.

Вердикт: не тянет на творца – витию,
Хоть без конца бросает пыль в глаза.
Здесь подпись, к слову... СМОЛЯНИНОВ ДМИТРИЙ?!
НАПИСАНО ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД?!

Как понимать?! Что за нелепость, шутка!
Я негодую! Нет! Я ВНЕ СЕБЯ!
Подставили, не мог писать... такое!
Не мог писать такое точно Я!

Выходит, я сейчас свое ругаю?
Выходит, я – Мидас наоборот?
Своим прикосновеньем превращаю
Всё золотое я в прозрачный лёд?

Потом дышу, и он от жара тает?..
Но что это... Секунду, добрый друг.
В кармане что-то... Сильно мне мешает...
Листок. На нем – стихи. Порочный круг?..

«Мудреные и пафосные слоги...
И сколько смысла, сколько многоточий...
Такие символы, что покажи Ван Гогу –
Он в них найдет влиянье «Звездной ночи»...»

Смешно. Похоже автор – критикан,
Бьюсь об заклад, что сам он не создал
Ни одного толкового творенья.
Не в счет рецензия – стихотворенье.

В поэзии поэзию душишь?
Как низко! Вы, голубчик, не поэт!
С таким худ стилем, автор, как у вас,
В театре оккупируют буфет!

Вы – бездарь! Этих слов не побоюсь!
И коли я такое напишу,
То в тот же вечер с горя утоплюсь!
Дочитывать даже не стану!
Ухожу!

VIII. Манифесты не всегда художественны.

В стене – четыре окна.
Четыре пристальных взгляда.
В стене – четыре окна,
А больше ему и не надо.

Дорога – красный ковер.
С ног сшибающий гул оаций.
Ослепляющих вспышек фон,

Удаляются огоньки станций.

Отдаляется человек,
Поддается натиску света
И в дали похож человек
На Дали двадцать первого века.

Не талантлив, но все твердят,
Что он гениям прошлым замена.
Не талантлив, но все твердят,
Значит – искренне верит в это.

В стене – четыре окна
Политика, социум, рынок
И духовная сторона.
И везде под угрозой пыток

Его требует признавать.
Это выгодно всем, по итогу.
Он "дары" не чурается брать.
Много пишет, и всё – для народа.

Патриотом себя назовет
И высоко-духовно-моральным!
Он на выборы всех соберет.
Он открыт для любой рекламы.

В стене – четыре окна,
А ему и не нужно больше.
Будь в стене не четыре окна,
Он, наверное, брал бы больше.

Так вот и пролетела жизнь
Признаваемого по нарошку.
Руки пластиковой толпы
Покачали его немножко,

Да и бросили. Он – один.
В мир исторгнув весь теплый воздух
Из груди, он себя спросил:
"Что, зачем и кому я создал?"

В стене – четыре окна.
Четыре пристальных взгляда.
В стене – четыре окна,
Ему больше уже не надо.